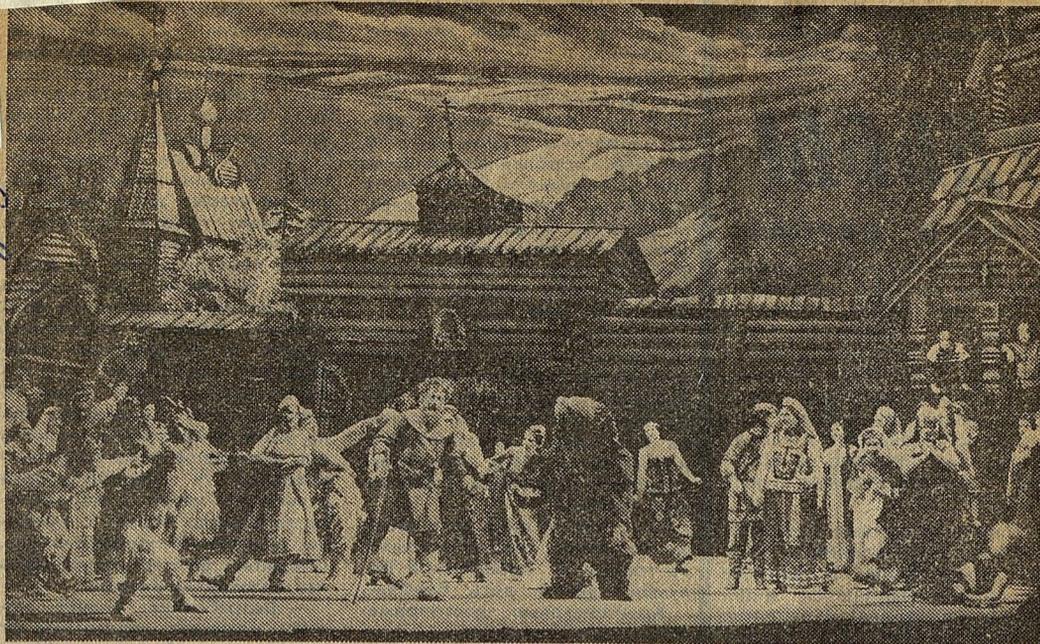

Соб. музей театра, 1983, 207 экз. N154

Сказание о граде Китеже

Опера Римского-Корсакова на сцене Большого театра

В предвкушении появления в афишах Большого «Сказания о граде Китеже» разговор было, пожалуй, как никогда, много: редкая в репертуаре театров опера, труднейшая партитура, требующая первоклассного мастерства во всех компонентах спектакля, и как неукоснительное условие — наличие в труппе солистов, чьи голоса соответствуют партиям Февронии и Гришки Кутерьмы. Если таковых нет, браться за сценическое воплощение замечательного произведения Римского-Корсакова нет смысла. Необычным был и состав постановочной группы, назначенной на премьеру, — приглашение Евгения Светланова в качестве музыкального руководителя спектакля, Романа Тихомирова — режиссером, Ильи Глазунова — художником. Естественно, все это придавало особый интерес предстоящему событию.

У меня были и дополнительные волнения: из числа многих опер, спетых мною на сцене Большого за время долгой работы в труппе, «Китеж» (партия Князя Юрия) занимает одно из важных мест. До мельчайших деталей вспоминалась работа с режиссером, дирижером, концертмейстером, весь путь к премьере, прием публики.

И вот нынешний, возобновленный «Китеж», точнее, не возобновленный, а заново прочтенный хотя бы уж потому, что впервые в истории сценической жизни произведения раскрыты все купюры. Правда, это удлинит спектакль и несколько притормозит действие, но зато помогло подарить слушателям много прекрасной музыки.

«Сказание о Китеже» — несомненная удача театра. Меня больше всего привлекло здесь, что спектакль отвечает тем требованиям, которые сам Николай Андреевич Римский-Корсаков предъявлял к опере. «Оперное произведение есть прежде всего произведение музыкальное», — писал композитор.

Здесь главенствует именно музыка, благодаря мастерству и таланту дирижера Евгения Светланова — прекрасного знатока и интерпретатора русской музыки, глубоко постигающего стиль, характер, смысл произведения. Сказать честно, я давно не слышал в Большом такого яркого, сочного звучания оркестра, такой выравненности отдельных групп инструментов и целого. И еще одно качество дирижера, очень важное в оперном театре и присущее далеко не всем стоящим за пультом, — точное чувство баланса между вокальными партиями и оркестровой: нигде голоса певцов не перекрываются, даже в мощном *tutti*, хотя дирижер никак «не приспосабливает» оркестр к тому или иному голосу; чутье истинного художника, умеющего видеть и слышать целое, подсказывает ему соответствующую краску в деталях.

Думаю, спектакль довольно убедительно решил давний и достаточно бессмысленный спор о том, кто важнее в опере — дирижер или режиссер. Светланов доказал: важнее всех — музыка; он раскрыл всю красоту, богатство, разнообразие мелодического языка композитора, красоту и несравненную поэзию этого «оригинального и замечательного цельного произведения», как характеризовал «Китеж» Цезарь Кюн.

Наверное, стоит напомнить здесь достаточно известные слова либреттиста опер В. Бельского, к которым присоединялся и Римский-Корсаков, чтобы понять, откуда эта красота и оригинальность партитуры: «Во всей опере не найдется ни одной мелочи, которая так или иначе не была навеянная чертою какого-либо сказания, стиха, заговора или иного плода русского народного творчества».

А с каким великолепием прочитаны дирижером (и соответственно оркестром) симфонические эпизоды: вступление «Похвала пустыне», воссоздающее незабываемую картину сурового леса, словно согретого, «очеловеченного» любовью Февронии к природе, и особенно «Сеча при Керженце» — кульминация развития героико-патриотической линии произведения. Живописная картина битвы рождает зримые образы неравной жестокой схватки русской дружины с врагом, стремившимся полюбить наши земли. Этот симфонический эпизод — одно из самых гениальных воплощений в музыке темы патриотического подвига русского народа — Светланов проводит на огромном накале динамических красок, на едином дыхании. И здесь еще одно доказательство, что чисто музыкальных средств вполне хватает для воссоздания драматического, предельно обостренного эпизода. Музыка

захватывает, волнует зрителей.

Режиссер Р. Тихомиров выстраивает большинство мизансцен так, чтобы вокалистам было удобно петь, чтобы их было лучше слышно. И я бы отнес это к достоинствам постановки, ибо режиссерское решение не мешает слушать великолепную партитуру. Правда, иногда — в сцене набега татарских орд на Малый Китеж или в картине «У озера Светлый Яр», где расположились татарские войска, режиссер, на мой взгляд, «накручивает» действия, демонстрирующие звериную жестокость врагов, с грубой натуралистичностью, хотя в музыке достаточно ясно и выразительно прорисованы характеры татарских военачальников Бурундая (В. Ярославцев) и Ведея (Н. Низиенко).

Мне показалось в целом интересным декорационное решение спектакля художником И. Глазуновым, хотя иногда хотелось большей сдержанности, мягкости красок, а в ряде случаев — и большей четкости замысла (к примеру, в изображенной на занавесе картине «Страшного суда»). Понимаю, художник имеет право на свой почерк, свой язык, на свое видение и восприятие сюжета и музыки, и все же позволю себе сделать одно замечание: в заключительной сцене «Светлый Китеж» оформление показалось мне уж слишком сладеньким, сусальным и притом случайным: такие декорации могли быть в «Царе Салтане», в «Снегурочке», в «Золотом Петушке», а в «Китеже» — все куда психологически глубже, сложнее. Зато в костюмах по эскизам художницы Н. Виноградовой-Бенуа решительно ничто не коробило, не мешало, не выглядело чужеродным. Чувство стиля, вкус, колористическая щедрость палитры — этим отмечен ее почерк.

Как всегда в Большом театре, очень порадовал хор. Столько красок, столько нюансов, такая мощь и такое прозрачное пианиссимо; женские хоры, мужские, смешанные, хор а капелла — всюду филигранная отделка до мельчайших штрихов, всюду — эмоциональная наполненность, прочувзованность, осмысленность пения. Что говорить, хормейстер А. Рыбнов со своими помощниками (на этот раз С. Лыковым и Н. Садиковым) умеет показать самый высокий класс работы.

Наиболее серьезные и творческие трудные задачи ставит «Китеж» перед солистами, и прежде всего, повторяю, исполнителями партий Февронии и Гришки Кутерьмы. Февронии в первую очередь, так как образ ее занимает центральное место и по протяженности партии, и по ее роли в драматургическом развитии действия, и по глубине раскрытия характера. Кроме того, речь Февронии насыщена народными выражениями, присказками, характерными словами, взятыми из русских поговорок, побасенок. И здесь нужны дикционная ясность, чистота прочтения слова. Г. Калинина (Феврония) — обладательница сочного, молодого, крепкого голоса. Она поет свободно, без нажима, без напряжения, но дикционно исполнение ее вызывает пока серьезные замечания. Это мешает артистке в полной мере вылить тонкий, поэтично возвышенный образ, каким его создал композитор.

Хорошее впечатление оставил Е. Райков — Княжич Всеволод. Все у него звучит ровно, легко, осмысленно; хорошая дикция, естественное, лаконично сдержанное сценическое поведение. И по внешнему облику это действительно русский богатырь, готовый к подвигу на защиту родной земли.

Его антипод Гришка Кутерьма — один из самых психологически сложных образов не только в этой опере, но и вообще в оперной литературе. И сценический успех произведения во многом зависит от правильного и глубокого раскрытия противоречивых черт характера Гришки. Я думаю, Кутерьма — В. Пьявко — одна из удач, определивших успех премьеры. Его прочтение образа поистине большая актерская находка. Абсолютная сценическая свобода и при этом полная вокальная раскрепощенность. Пьявко, трус, предатель, обезумевший от собственной подлости, в страхе предстать перед судом людским, — таким рисует Пьявко своего «героя».

Здесь нет возможности говорить о всех исполнителях, участвующих в премьере. В другом составе выступят М. Касрашвили (Феврония), А. Масленников (Гришка), Ю. Статник (Князь Юрий), Ю. Григорьев (Поярок) и другие. Скажу лишь о том, что зрители встретились и с радостью принимали в спектакле и прославленных артистов, давно снижавших успех, таких, как А. Ведерников (Князь Юрий), и представителей молодого поколения — Г. Борису (Отрок), М. Маслова (Поярок), и даже стажеров. Я уверен: хорошо, что театр все чаще привлекает к работе талантливую молодежь — в этом перспектива развития вокальной культуры. Но мне думается, выдвигая молодых, надо внимательно следить за их ростом, за профессиональным совершенствованием, и в частности работать над дикцией, не овладев которой, актер не сможет добиться истинного успеха.

А в целом Большой театр показал плоды серьезного, сложного творческого труда — оперу о патриотизме, о героизме русского народа, которая украсит репертуарную афишу.

Иван ПЕТРОВ,
народный артист СССР,
лауреат Государственных
премий СССР.

● Сцена из первого акта.
● Феврония — заслуженная артистка РСФСР Г. Калинина.

Фото А. Конькова.